

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

**HERALD
OF OMSK UNIVERSITY**
Series
«HISTORICAL STUDIES»

*Ежеквартальный
научный журнал*

ОСНОВАН В 2014 г.

2014. № 3 (3)

*Quarterly
academic periodical*

FOUNDED IN 2014

*Редакционный совет
Editorial board*

Г. Д. Адеев (G. D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, профессор
С. В. Белим (S. V. Belim, vicechairman), д-р физ.-мат. наук,
профессор, зам. председателя
В. И. Вершинин (V. I. Vershinin), д-р хим. наук, профессор
Г. И. Геринг (G. I. Gering), д-р физ.-мат. наук, профессор
А. К. Гуц (A. K. Guts), д-р физ.-мат. наук, профессор
Б. И. Осипов (B. I. Osipov), д-р филол. наук, профессор
В. А. Романьков (V. A. Romankov), д-р физ.-мат. наук, профессор
Н. А. Томилов (N. A. Tomilov), д-р ист. наук, профессор
А. В. Якуб (A. V. Yakoub, chairman), д-р ист. наук, профессор,
председатель

*Редколлегия журнала
Editorial staff*

Л. П. Репина (L. P. Repina), д-р ист. наук, профессор, член-
корреспондент РАН, зам. директора ИВИ РАН (Москва)
А. В. Головнев (A. V. Golovnev), член-корреспондент РАН, д-р ист. наук,
профессор, главный научный сотрудник Института истории
и археологии УрО РАН (Екатеринбург)
В. Вжозек (Wojciech Wrzosek), доктор наук, профессор Университета
им. Адама Мицкевича (Познань, Польша)
В. Деннингхаус (Victor Doenninghaus), д-р ист. наук, профессор
(Нордост-Институт, Люнебург, Германия)
Н. А. Томилов (N. A. Tomilov), д-р ист. наук, профессор
А. П. Толочко (A. P. Tolochko), д-р ист. наук, профессор
В. П. Корзун (V. P. Korzun), д-р ист. наук, профессор
В. Г. Рыженко (V. G. Ryzhenko), д-р ист. наук, профессор
Т. Б. Смирнова (T. B. Smirnova), д-р ист. наук, профессор
М. К. Чуркин (M. K. Churkin), д-р ист. наук, профессор
Г. М. Патрушева (G. M. Patrusheva), канд. ист. наук, профессор
Л. Р. Ротермель (L. R. Rotermeil), канд. ист. наук, доцент
И. В. Толпеко (I. V. Tolpeko), канд. ист. наук, доцент
Н. Г. Суворова (N. G. Suvorova), канд. ист. наук, доцент
М. А. Мамонтова (M. A. Mamontova), канд. ист. наук, доцент
С. Б. Крих (S. B. Krikh), канд. ист. наук, доцент
С. П. Бычков (S. P. Bychkov), канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь)

*Учредитель
ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»*

*Адрес редакции: 644077,
Омск-77, пр. Мира, 55а, ОмГУ
тел. (3812) 22-98-11
if_dekanat@mail.ru (с пометкой
«Статья в "Исторические науки"»),
spbychkov@gmail.com*

*Гл. редакторы:
А. В. Якуб
В. Н. Худяков*

Редактор О. М. Азеева

*Технический редактор М. В. Быкова
Дизайн обложки З. Н. Образова*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57412
от 24 марта 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Объединённый подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94052*

*Издательство ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

*Дата выхода в свет 30.09.2014
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 16,0. Усл. печ. л. 14,9.
Уч.-изд. л. 13,8.*

Тираж 100 экз. Заказ 204.

*Отпечатано
на полиграфической базе
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Филимонов А. В.</i> Роль Государственной думы в формировании финансовой политики самодержавия в 1906–1913 гг.	4
<i>Халоша К. В.</i> Теоретико-методологические взгляды В. М. Чернова	9
<i>Кадиков Э. Р.</i> Эсеровское подполье в Сибири в начале 1900-х гг.: предпосылки формирования и организационное становление	14
<i>Попов Д. И.</i> Борьба правомонархических партий за влияние на массы в условиях поляризации партийно-политических сил в Сибири в 1907–1917 гг.	25
<i>Савин А. И.</i> Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–1940-е гг.)	37

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Гришина Н. В.</i> «Работа... не является марксистской...», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н. М. Дружинина)	48
<i>Быков А. В.</i> Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	55

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ПЕРВОБЫТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ветров В. С.</i> Технология расщепления кварцита нижнепалеолитического местонахождения Макарово-1	65
<i>Жук А. В.</i> Бабы Омского музея	77
<i>Шмидт И. В., Горбунова Т. А.</i> Инновационный проект «Спасательная археология» в контексте научно-образовательной и экономической деятельности ОмГУ	90
<i>Чернова И. В.</i> Этнография детства украинского сельского населения Омского Прииртышья	94
<i>Коптяева Е. А., Новикова Ю. С.</i> Семейная обрядность украинского населения Омского Прииртышья на страницах епархиальных изданий конца XIX – начала XX века	101

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

<i>Корусенко С. Н.</i> Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII – начале XIX века	105
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жигунова М. А.</i> Женщины и мужчины в контексте исторических перемен	120
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	126
-------------------------------------	-----

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

<i>Filimonov A. V.</i> Participation of State Duma in the financial policy of Russia in 1906–1913	4
<i>Khalosha K. V.</i> Theoretical-methodological views V. M. Chernova	9
<i>Kadikov E. R.</i> The SR underground in Siberia in the early 1900 s.: prerequisites for the formation and organizational development	14
<i>Popov D. I.</i> The fight of right-monarchist parties for influence on the masses in terms of the polarization of the party-political forces in Siberia (1907–1917).....	25
<i>Savin A. I.</i> Cooperation with the Secret Service institutions as a specific way of political adaptation of believers in the Soviet Union (1920–1940).....	37

HISTORIOGRAPHY OF WORLD AND RUSSIAN HISTORY

<i>Grishina N. V.</i> «The work... is not a Marxist...», or the formation of the canon of the examination of research in the 1920 s. (for example the dissertation N. M. Druzhinin).....	48
<i>Bykov A. V.</i> The memoir literature in historiography of the Great Patriotic War of 1941–1945	55

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY, PRIMITIVE HISTORY

<i>V. S. Vetrov</i> Technology of quartzite knapping at the Lower Paleolithic site Makarovo-1	65
<i>Zhuk A. V.</i> Stone babas of Omsk Museum	77
<i>Shmidt I. V., Gorbunova T. A.</i> Innovative project «Rescue archaeology» in a context of scientific-educational and economic activity of OMSU	90
<i>Chernova I. V.</i> The child in traditional culture of population of Ukrainian countryside of Omsk region	94
<i>Koptyaeva E. A., Novikova Y. S.</i> Family rituals of Omsk Irtysh Ukrainian people on pages of eparchial publications at the end of XIX – beginning of XX century.....	101

HISTORICAL ARCHIVE

<i>Korusenko S. N.</i> Central and Local Authorities' Policy with Regard to the Siberian Bukhartsy in the middle of the XVII – the beginning of the XIX century	105
---	-----

SCIENCE LIFE

<i>Zhigunova M. A.</i> Women and men in the context of historical changes	120
---	-----

DATA ON AUTHORS	124
------------------------------	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	126
--------------------------------------	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 48–54.

УДК 94(47).084.5

Н. В. Гришина

«РАБОТА... НЕ ЯВЛЯЕТСЯ МАРКСИСТСКОЙ...», ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА ЭКСПЕРТИЗЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1920-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ДИССЕРТАЦИИ Н. М. ДРУЖИНИНА)*

Рассматривается диссертационный диспут Н. М. Дружинина, представленный как коммуникативное событие, в ходе которого апробировались правила экспертизы диссертационного исследования в советской науке, осуществлялась его проверка на соответствие марксизму. Исследуется судьба диссертации после ее защиты.

Ключевые слова: научная экспертиза; экспертное сообщество; Н. М. Дружинин; марксизм; диссертационный диспут.

N. V. Grishina

«THE WORK... IS NOT A MARXIST...», OR THE FORMATION OF THE CANON OF THE EXAMINATION OF RESEARCH IN THE 1920 s. (FOR EXAMPLE THE DISSERTATION N. M. DRUZHININ)*

The article deals with dissertation dispute N. M. Druzhinin. Debate is presented as a communicative event in which the rules are tested examination of dissertation research, perform an inspection for compliance with Marxism. The article examines the fate of the dissertation after the dispute.

Keywords: scientific examination; the expert community; N. M. Druzhinin; Marxism; dissertation dispute.

Диссертационная история Н. М. Дружинина уже попадала в сферу внимания исследователей [1]. Очередное обращение к этому диссертационному опыту обусловлено ограниченностью числа диспутов по итогам окончания обучения в первой советской аспирантуре. Реформирование системы подготовки научных кадров высшей квалификации, пришедшееся на рубеж 1920–1930-х гг.,

привело к тому, что авторы многих завершённых диссертаций отказались от намерения вынести их на суд научной общественности. Применительно к исторической науке нам известно только о двух диссертационных диспутах (Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина), в ходе одного из них в мае 1929 г. Н. М. Дружинин защитил работу о декабристе Никите Муравьеве. В данной статье мы

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Проект № МК-1810.2013.6) и Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Проект № ФПНИ-06.6-24-14).

попытаемся сдвинуть ракурс исследования с процесса подготовки Дружининым диссертации на ее восприятие и оценку научным сообществом.

Развитие научно-образовательной сферы в конце 1920-х гг. осуществлялось под влиянием очередного витка реформ, принятых властью, целью которых являлось формирование идеологически корректной науки. Осуществляемые преобразования приводили к постепенному отказу от ведения научных дискуссий, основанных на свободном обмене мнениями, сокращению свойственного науке поля критики. Мотивы ученых, сознательно организующих обсуждение своих работ, зачастую оставались непонятными и не находили цеховой поддержки. Так произошло с книгой Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы». В ходе ее обсуждения в 1928 г. проявился ранее несвойственный советской исторической науке «шаблонно-сравнительный метод историографической оценки» [2]. Его формирование А. И. Неусыхин – активный участник дискуссии – определил как «власть слов», когда наличие в тексте определенных терминов и марксистских цитат маркировало работу как правильную и идейную, их же отсутствие давало повод для обвинений в эклектизме, идеализме и «навешивания» других враждебных идеологических ярлыков. Таким образом, к концу 1920-х гг. происходит «заполнение пустотного марксистского канона», т. е. вырабатываются формальные признаки. Их наличие в тексте, который выносится на обсуждение, являлось обязательным для успешного диспута и приобретения желаемых прав в сфере исследовательской работы и преподавания.

Параллельно планировалась ликвидация научно-исследовательских институтов, в которых готовили будущих ученых. Одна из причин такого решения крылась в фактическом возобновлении прежних досоветских форм работы с научной молодежью. «Борьба за кадры выросла как проблема», – писал в своем дневнике в 1928 г. С. А. Пионтковский [3]. Он выражал озабоченность повсеместной «демарксизацией аспирантов». «Хирургический метод решения – не решение, и хотя мы решили сейчас выбросить из РАНИОНа всех аспирантов – не марксистов,

но это лишь подрезывание ростков, оставляя основной ствол» [4]. Вслед за тотальной проверкой на соответствие марксистским установкам было принято решение о реорганизации РАНИОН.

Решимость Дружинина вынести свое исследование на публичную защиту в столь непростой период развития науки и высшего образования, на наш взгляд, была обусловлена несколькими соображениями. Во-первых, историку, безусловно, хотелось завершить затянувшийся процесс обучения. Напомним, что Дружинин поступил в Московский университет еще в 1904 г., был оставлен на историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию в 1918 г., в 1921 г. стал научным сотрудником II разряда в Институте истории, а затем в 1925 г. получил статус аспиранта [5]. В течение этого времени его обучение несколько раз прерывалось. К концу срока обучения в аспирантуре Дружинин, наряду с другими аспирантами, подвергся проверке на соответствие марксистским установкам. В 1928 г. он был оценен «Тройкой» в составе А. Д. Удальцова, Е. А. Мороховца, Н. Г. Буркина и А. В. Ефимова. «Тройка» вынесла вердикт, что Дружинин закончил план подготовки в аспирантуре, и признала его марксистом [6]. Такое решение позволило историку завершить аспирантский стаж. Отметим, что аспиранты, закончившие план подготовки, но признанные немарксистами, были отчислены из института (к примеру, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков). Защита диссертации состоялась только год спустя: 7 мая 1929 г. диссертацию рассматривала квалификационная комиссия в составе В. И. Невского, С. С. Мильмана, М. В. Нечкиной, С. А. Пионтковского¹, а 21 мая 1929 г. был организован публичный диспут.

Во-вторых, защита диссертации рассматривалась как событие, маркирующее переход в новый профессиональный статус. Заметим, что формальная процедура диспута в 1920-е гг. была прописана невнятно. Между тем организация публичного диспута по диссертации позволяла соискателю преодолеть незримую границу между миром учеников и миром ученых, осуществить своеобразный «обряд перехода», проходя который неопит «включался» в научное сообщество. Акт защиты диссертации оставался важной и

показательной церемонией, являлся значимым не только в плане инкорпорирования неопита, но и в отношении сохранения / подтверждения группового статуса ученых. Проводя экспертизу диссертационного исследования и принимая участие в диспуте, члены квалификационной комиссии институализировали соискателя в новом статусе, т. е. обозначали «его идентичность, одновременно выражая для него эту идентичность и налагая ее на виду у всех, тем самым сообщая ему, кто он есть и кем должен быть» [7]. Диспут как символический акт посвящения в ученые оценивался научным сообществом как свидетельство сохранения за собой властных полномочий и эксклюзивного права экспертизы с целью формирования последующих генераций научных работников.

Тема, избранная Дружининым для исследования, была выигрышна с той точки зрения, что касалась важного общественного движения XIX в. – декабризма, которое в советской науке трактовалось с позиций революционной борьбы. Автор предисловия к ранней работе Дружинина о декабристах, изданной к столетию их восстания, писал: «Декабрьское восстание 1825 года было той революционной искрой, из которой позднее загорелось яркое пламя русской революции...» Сам Дружинин в этой книге характеризовал декабриста Никиту Муравьева как «революционного теоретика» [8].

Развивая эту проблематику, в диссертации Дружинин перенес акцент с общественного значения деятельности декабристов на личность Никиты Муравьева. Написанная в жанре биографического исследования, диссертация оказалась более уязвима для критики. Биографию человека, его жизненный путь автор предлагал рассматривать в контексте «определенного места и времени», учитывая влияние на героя современных ему общественных процессов. Дружинин размышлял, что человек на протяжении жизни меняется, а следовательно, необходимо изучать его жизненные схемы, «габитус» (термин, единожды встречающийся в тексте диссертации) в динамике. Таким образом, Дружинин в большей степени обращал внимание на внутренние мотивы поступков Муравьева, хотя и учитывал влияние на него внешних факторов. Такое понимание биографии вы-

звало различные реакции участников диспута. В частности, критика М. В. Нечкиной состояла в обвинениях Дружинина в излишнем психологизме и влюбленности в своего героя, что дало ей основание назвать работу «немарксистской» [9]. Неофициальный участник дискуссии С. И. Мицкевич, сотрудничавший с Дружининым в Музее революции, выступил на его стороне. В кратком выступлении Мицкевич парировал: «Вот Ленин, вполне осознавший себя идеолог пролетариата на известной ступени развития, вначале таковым не был» [10]. Диссертант отвечал М. В. Нечкиной в том же духе: «Ведь и сам К. Маркс не сразу сделался носителем пролетарской идеологии» [11]. Как видим, и диссертант, и оппоненты в своей аргументации апеллировали к авторитетам марксизма, а не к внутренним аргументам работы. Кроме того, в ходе обсуждения был артикулирован единственно приемлемый с точки зрения марксизма взгляд на биографическое исследование. В частности, первый оппонент М. В. Нечкина в отзыве говорила о любой личности как «представителе определенного класса», «носителе той или иной политической идеологии», а второй оппонент С. С. Мильман предлагал рассматривать объект биографии как «определенный социальный тип» [12].

В обсуждении диссертации явно видно формирование определенного канона, «трафарета» (по выражению М. В. Нечкиной), предъявляемого к марксистским исследованиям. Она говорила: «В работе Дружинина мы не видим привычной в марксистских работах главы об истории хозяйства и экономической истории классовой борьбы эпохи, главы о расстановке классовых сил эпохи и т. д.» [13]. Отсутствие этой формальной составляющей стало дополнительным поводом для признания работы немарксистской. В то же время практика «ритуального цитирования» классиков еще не сформировалась. В диссертации Дружинина имеется единственная ссылка на работы марксистов, несколько искусственно помещенная им в заключение своего исследования [14]. В перечень «классиков» были включены работы М. Н. Покровского, П. И. Лященко, Н. А. Рожкова, А. Е. Преснякова. Заметим, что в опубликованной в 1933 г. на основе

текста диссертации книге появляется единственная ссылка на работу В. И. Ленина [15].

Важно подчеркнуть, что на диспуте проверке на соответствие марксизму подвергся не только автор диссертации и его работа (чего только стоит выкрик с места во время выступления С. С. Мильмана: «А в какой части работа марксистская?») [16], но и оппоненты. С. И. Мицкевич говорил о выступлениях оппонентов: «Я хотел бы высказать свое мнение об оппонентах. Прежде всего их мнение, что т. Дружинин не марксист.

Вы говорите, что его работа не марксистская. Я знаю его как выдержанного марксиста и с удивлением слушал напады оппонентов. Я думал, что они подвергнут марксистскому анализу его работу, но из того, что говорила т. Нечкина, у меня возникло представление, что она с марксизмом незнакома...» [17].

По итогам диспута Дружинин получил заключение, что он «может быть использован для научно-исследовательской работы» (см. табл. 1).

Таблица 1

Заключение квалификационной комиссии по диссертации Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (7 мая 1929 г.)*

<i>Параметры оценки диссертации</i>	<i>Заключение квалификационной комиссии</i>
Оценка диссертации как самостоятельного научного исследования	Диссертация дает новый материал и новые сведения о 1) борьбе внутри ложи трех добродетелей; 2) эволюции в процессе выработки самого текста конституции; 3) анализе иностранных источников и их отражении в конституции Никиты Муравьева
Объем привлеченного для разработки диссертации материала и оценка его	Привлечен богатый и всесторонний архивный материал из различных архивов Москвы и Ленинграда, вплоть до изучения личной библиотеки Никиты Муравьева
Краткое содержание диссертации и заключительного слова	Дана биография Н. Муравьева и сделана попытка анализа его социально-политических воззрений
Методологическая оценка диссертации и заключительного слова	Методологически эклектик и определенно немарксист
Работа диссертанта в течение аспирантской подготовки	Удовлетворительная
<i>Предоставление диссертанту прав</i>	
В области самостоятельной научной работы	–
В области преподавательской работы	–
В области использования в Институте	Может быть использован для научно-исследовательской работы

* Таблица составлена по: [18].

В своих воспоминаниях историк посвятил диспуту один абзац, который завершил нейтральной фразой: «Перед ликвидацией РАНИОН мне было выдано свидетельство, что моя диссертация удовлетворительна и я могу заниматься исследовательской работой» [19]. Думается, это было далеко не то решение, на которое рассчитывал историк. В воспоминаниях о своем учителе М. М. Богословском, написанных в 1949 г. и адресованных Е. П. Богословской, уже маститый ученый заметил: «Защита моей первой диссертации проходила в трудной обстановке в майские дни 1929 г., и хотя моя диссертация

была признана защищенной, но я не получил права преподавать в высших учебных заведениях» [20]. Фактически данное решение означало для Дружинина сужение поля профессиональной деятельности. Заключение квалификационной комиссии и кратковременный арест в 1930 г. привели к тому, что историк на некоторое время свернул научную и преподавательскую работу. Лишь в 1933 г. он опубликовал свою диссертацию, внося в ее текст «ряд уточняющих дополнений» [21].

В первую очередь Дружинин переработал структуру своей работы (см. табл. 2).

**Сравнение оглавлений диссертации и монографии Н. М. Дружинина
«Декабрист Н. М. Муравьев»***

<i>Оглавление диссертации (1929 г.)</i>	<i>Оглавление монографии (1933 г.)</i>
Предисловие	Предисловие
	I. Социальные процессы начала XIX века
Пробуждение «вольномыслия»	II. Политическое воспитание Н. Муравьева
Период бури и натиска	III. Период революционных стремлений
Борьба за умеренную программу	IV. Борьба за умеренную программу
Конституция (взаимоотношения редакций)	V. Вопрос о редакциях конституции
Конституция (творческая история)	VI. Первый вариант конституции
	VII. Второй и третий варианты конституции
Суд и Сибирь	VIII. Суд и Сибирь
Заключение	IX. Итоги
	Приложения
Примечания	Примечания
	Именной указатель

* Таблица составлена по: [22; 23].

Он внес в нее требуемую оппонентами главу о социально-экономической ситуации в стране накануне возникновения декабризма, а также отказался от «психологических признаков» [24] (со слов М. В. Нечкиной) в формулировке первой и второй глав. Как видим, названия «Пробуждение “вольномыслия”» и «Период бури и натиска» были заменены на более нейтральные – «Политическое воспитание Н. Муравьева» и «Период революционных стремлений». Дружинин учел замечания оппонентов о необходимости сопоставления редакций Конституции Н. Муравьева, выявлении более раннего и позднего ее вариантов. В итоге вместо двух глав в диссертации, посвященных анализу Конституции, в книге появилось целых три главы, в которых историк скрупулезно сопоставляет три редакции текста Н. Муравьева.

Автор учел «некоторые замечания оппонентов» [25], но не отказался от большинства своих выводов. Так, в предисловии к книге Н. М. Дружинин пытается соединить дореволюционную историографию о декабристах, называя ее надежным фактическим основанием данной проблемы, и методологически новые работы историков-марксистов [26]. Кроме того, он объясняет необходимость биографического исследования о Никите Муравьеве, стараясь нивелировать обвинения в излишнем психологизме, услышанные им на недавнем диспуте. Дружинин пишет: «...Изучение биографии имеет свою опасную сторону: исследователь может легко

увлечься художественным воссозданием живой индивидуальности и за случайными психологическими чертами оставить нераскрытой закономерную диалектику общественных явлений. Задача историка... использовать данные личной биографии для широкого социологического обобщения...». Как бы вторя выступлениям оппонентов, автор подчеркивает, что «личность должна быть вдвинута в общую перспективу эпохи и понята в ее временной классовой обусловленности» [27]. При этом общей задачи исследования Дружинин практически не меняет. В диссертации он формулирует ее следующим образом: «раскрыть развитие личности Н. Муравьева, как типичного представителя определенного места и времени», «перед читателем должен быть представлен не изолированный неповторяющийся индивидуум, а политический деятель, отражающий в своем росте современные ему общественные процессы» [28]. В монографии Дружинин лишь несколько уточняет поставленную задачу, утверждая, что личность Н. Муравьева может быть изучена в процессе последовательного развития, для чего необходимо проследить «первоначальные истоки его жизненного мировоззрения в конкретной классовой обстановке» [29].

Формированию «жизненного мировоззрения» Н. Муравьева способствовала «словесная среда». «Подвергаясь ее многообразным влияниям, он выросал непосредственной частицей большого общественного целого» [30]. В монографии Дружинин

не делает обобщений о «сословном» влиянии на будущего декабриста, хотя, как и в тексте диссертации, размышляет о роли семьи, учебы в университете, войны с Наполеоном на формирование мировоззрения Н. Муравьева. Скорее мы можем зафиксировать замену «сословного» влияния на «классовое». В книге появились «боевые» термины и «классовая» риторика. Автор рассматривает декабристов как часть оппозиционно настроенных, прогрессивных кругов дворянского общества, впитавших в себя буржуазную идеологию, распространение которой связывалось им с развитием капитализма [31]. Либерализм рассматривался Дружининым как закономерное «идеологическое оружие борющейся за власть буржуазии», выбор же революционного переворота как формы борьбы, по его мнению, был обусловлен влиянием заграничного похода русской армии и последовавшим за ним внутренним кризисом [32]. Также в заключении первой главы, подводя итог характеристике экономической ситуации и социальных процессов в России начала XIX в., Дружинин пишет: «...Масонская идеология и ритуалистика были недостаточным оружием в обострявшейся классовой борьбе. <...> Противоречие между развивавшимся капиталистическим строем и устаревшей феодально-правовой оболочкой должно было разрешиться открытым революционным столкновением. Носители нового буржуазного будущего должны были теснее сомкнуться и выделить боевой авангард с отчетливо формулированной программой и ясно продуманной тактикой. Политическое общество декабристов и явилось таким боевым авангардом. Под общим знаменем буржуазной революции оно объединило в своем разнородном составе представителей разных социальных слоев и различных политических взглядов» (Курсив мой. – Н. Г.) [33].

Изначально принадлежность к тем или иным политическим идеям не означала их распространения на исследовательскую практику. Собственная «левизна», которую постоянно подчеркивал Дружинин в дневниках, сравнивая себя со многими знакомыми и коллегами, практически не находила отражения в текстах его работ. К концу 1920-х гг. ситуация в исторической науке изменилась. Диссертация Н. М. Дружинина и ее после-

дующая переработка в монографию является примером распространения «правильного взгляда» на исторический процесс, что фактически означало завершение догматизации теоретико-методологических основ советской науки и являлось проявлением конвенциональности советских историков. Кардинально не меня содержания и выводов своей работы, Дружинин подверг ее ретушированию, наполнению «очевидными» признаками соответствия марксизму. В первую очередь с целью формального подтверждения использования марксистского метода он изменил язык исследования, наполнив текст специфической терминологией. Наконец, важно подчеркнуть смещение научных оценок с анализа методологии исследования к поиску соответствия общепризнанным выводам, что означало формирование «шаблонно-сравнительного метода» научной экспертизы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дополнительно в состав квалификационной комиссии входил представитель от Президиума РАНИОН. Установить его личность не удалось. По свидетельству Н. М. Дружинина, председателем комиссии был В. И. Невский (см.: Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М. : Наука, 1990. – С. 26).

ЛИТЕРАТУРА

1. Жибоедов В. В. Защита кандидатской диссертации Н. М. Дружининым // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 1 : Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. – Брянск : РИО БГУ, 2012. – С. 300–307 ; Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина) (в печати).
2. Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М. : Университетский гуманитарный лицей, 1998. – С. 37.
3. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А. Л. Литвина. – Казань, 2009. – С. 116.
4. Там же. – С. 134.
5. Гришина Н. В. Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX века (на примере Московского университета) // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 40. – М. : ИВИ РАН, 2012. – С. 281–297 ; Литвак Б. Г., Дружинина Е. И. Николай Михайлович Дружинин. Портреты историков. Время и судьбы. – Т. 1 : Отечественная история. – М. ; Иерусалим, 2000. – С. 347–367.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 14.
7. *Демина Н. В.* Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – № 1. – С. 97–112.
8. *Дружинин Н.* Кто были декабристы и за что они боролись? – М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. – С. 7, 40. – (Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка» № 15–19).
9. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1604. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 6об.–7.
10. Там же. – Л. 23об.
11. Там же. – Л. 21.
12. Там же. – Л. 7об, 17.
13. Там же. Л. 8.
14. ГАРФ. – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 184об. – 185.
15. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. – М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – С. 26–27, 370. Сноска № 13.
16. АРАН. – Ф. 1604. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 20об.
17. Там же. – Л. 23об.
18. ГАРФ. – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 18.
19. *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М. : Наука, 1990. – С. 26.
20. Там же. – С. 192.
21. Там же. – С. 26.
22. ГАРФ. – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 27.
23. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. – С. 404.
24. АРАН. – Ф. 1604. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 7.
25. *Дружинин Н. М.* Избранные труды. – С. 26.
26. *Дружинин Н.* Декабрист Никита Муравьев. – С. 5–6.
27. Там же. – С. 6.
28. ГАРФ. – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 32об.
29. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. – С. 9.
30. ГАРФ. – Ф. 4655. – Оп. 2. – Д. 494. – Л. 39.
31. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. – С. 84–85.
32. Там же.
33. Там же. – С. 57.